

Монография Виталия Гаврикова представляет собой первое в России академическое исследование творчества одного из основоположников русского бард-рока. Впоследствии на ее основе автором была выполнена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности "Русская литература". Замысел, согласитесь, не из легких. Поэтому его реализация имела своим следствием органичное единство плюсов и минусов.

Через введение и все главы работы красной нитью проходит утверждение, что Башлачев — не просто поэт, а рок-поэт, имеющий к бардовской традиции самое отдаленное отношение. Гавриков, как и подобает ученому, старается быть максимально объективным, но между строк читается его явная нелюбовь к КСП. Ссылаясь на мнения коллег, исследователь дает определение рок-поэзии, сравнивает ее с поэзией авторской песни (конечно же, не в пользу последней). Проводится дифференциация и внутри рокерской среды: так, отказано в статусе рок-поэзии группам КОРРОЗИЯ МЕТАЛЛА, ЗЕМФИРА, ЛЕНИНГРАД, ЧИЖ и Ко, АРИЯ и ЧЕРНЫЙ КОФЕ, чье творчество, по словам автора, в филологическом плане не представляет особой ценности (с. 7). В кругу рок-поэтов, достойных внимания и интереса, называются Башлачев, Шевчук, Кинчев, Борзыкин, Летов, Дягилева, Ревякин, Гребенщиков, Градский и еще несколько имен. Разделяя вкусы ученого, вместе с тем хотелось бы заметить, что его мнение — не истина в последней инстанции: в среде филологов может найтись исследователь, который отыщет тысячи достоинств в песнях Земфиры и Чиж, а Башлачева, Летова и Дягилеву в лучшем случае обойдет молчанием...

В первой главе рассматривается феномен рок-поэзии. Гавриков придерживается сложившегося в неклассическом литературоведении взгляда на рок-поэзию как на синтетическое искусство, наряду с лингвистическим — вербальным или словесным компонентом включающее экстралингвистические — театральный, музыкальный, визуальный, социокультурный, психологический и иные аспекты, участвующие в смыслообразовании композиции. Различие смыслов, которые обретают тексты в письменном (на бумаге) и звучащем (в аудиозаписи) пространствах, автор — вслед за своими коллегами — объясняет множественностью компонентов рок-поэзии. Сама же рок-поэзия условно подразделена на два течения — социально-политическое и мистическо-трансцендентальное (с. 20). К первому относятся Летов, Борзыкин, Кинчев, Клинских, Шевчук, ранний Неумоев, частично — Машнин и Цой; ко второму — Гребенщиков, Ревякин, Калугин, Озерский, Борзыкин, Дягилева, частич-

но — поздний Кинчев, Летов (периода 1989-1992 гг.); отдельно стоят «бытовые» поэты — Науменко, Мамонов, Чистяков и Цой. При этом исследователь оговаривается, что речь идет лишь о доминанте: в творчестве одного автора разные направления могут сосуществовать или "перерастать" одно в другое.

Во второй главе подвергнуты глубокому анализу пространственно-временные аспекты мифопоэтической структуры Башлачева. Автор прослеживает эволюцию образного строя башлачевских композиций, условно подразделяя творческий путь рок-поэта на три этапа (с. 81-104).

Первый — так называемый "бардовский" этап приблизительно длится с начала 1983-го до середины 1984 г. Гавриков выделяет наиболее существенные для этого этапа черты поэзии Башлачева — простоту, метафорическую прозрачность, негативность поэтики, оппозицию социального профанного и личного сакрального мифов, обращение к политической ситуации и бытописанию, ироничное обыгрывание и дискредитацию чужих цитат. Для большей наглядности автор демонстрирует проявление перечисленных черт на примере таких песен, как "Мы льем свое больное семя", "Грибоедовский вальс", "Музыкант", "Хозяйка", "Палата № 6" и др.

А вот второй, "рок-н-роллный", охватывающий период с середины 1984-го до начала 1986 г., описан крайне скупко. Обозначены лишь черты творчества Башлачева - метафорическая усложненность, образная замысловатость, игра фразеологизмами, господство сакрального мифа, воплощение единства жизни и поэзии, надзнаковость, использование чужих цитат с глубоким проникновением в их иррациональный и надрациональный смысл. Примеры композиций, иллюстрирующих эти черты, почему-то разбросаны по разным параграфам, что нарушает смысловое единство и создает ощущение некоторой недосказанности.

Третьему этапу, начавшемуся в 1986 году, не суждено было воплотиться из-за творческого кризиса и последующей гибели Башлачева. Все же Гавриков на примере единственной песни "Вишня" отмечает возврат к первоначальной простоте, прозрачности, ясности, но — на качественно новом, более глубинном уровне.

Автор исследует категории пространства и времени в мифопоэтике Башлачева, доказывает, что художественный мир поэта был выстроен по мифологическому принципу на протяжении всего творчества, делится наблюдениями — может быть, не бесспорными, но интересными. На примере концертных записей Башлачева, сделанных в разные годы, доказывается, что все его песни являют собой "единое произведение, поющее без пауз" (с. 106).

Третья глава, равно, как и приложение, в котором схематически приводятся всевозможные наглядные примеры, будет интересна в большей степени филологам-специалистам. В ней автор обращается к языковым аспектам мифологизма художественной системы Башлачева. Выделяются уровни мифопоэтики "сверху вниз": уровень квазисюжета; мотивный уровень; уровень "перетеканий" мотивов; протокорневой и первокорневой уровни.

Увы, в книге нашлось место досадным неточностям. Так, песня Михаила Борзыкина "Твой папа — фашист"

впервые **входила в альбом ТЕЛЕВИЗОРА** 'Отечество иллюзий', а не **"Мечты самоубийцы"** (с. 52). Библиографический список грешит **небрежностями**: в одних случаях наряду с выходными данными **указывается** и количество страниц **первоисточника, в других** — только город и год издания. Не **мешало бы унифицировать** все позиции... А встречающиеся тут и **таи длинные** цитаты вызваны желанием автора **дотянуть до нужного** количества печатных знаков?..

Однако достоинств **у этой скромной** по тиражу и оформлению книги **гораздо больше**, чем недостатков. При всем академизме **изложения** автору удается избежать сухости, **занудства и** 'хрестоматийного глянца". Кроме того, Гавриков, **быть может**, сам того не подозревая, решил еще одну **творческую** задачу, которую изначально перед собой не ставил: сквозь научный стиль ярко проступает **монументальный** образ Александра Башлачева — Рок-Поэта, музыканта, человека безгранично одаренного, обладающего энциклопедическими знаниями. Ищите и читайте книгу **быть может**, она поможет вам по-новому взглянуть на творчество автора "Времени колокольчиков", "Ванюши", "Егоркиной былины", "Мельницы", "Имени Имен" и многих других замечательных композиций, ставших безусловной классикой русского рока. **Г. Шостаков**